

Маленького Тима оплакивают все-все-все. А вот костлявого дядю Скруджа — никто

ТРИ ВОЗРАСТА ДЯДИ СКРУДЖА «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ» РОБЕРТА ЗЕМЕКИСА советует Лиза Биргер

По технологии performance capture, как мы уже могли убедиться, режиссер Роберт Земекис в мультфильм может превратить все, что угодно. Хоть эпос («Беовульф»), хоть милую рождественскую сказочку с Томом Хэнксом во всех ролях («Полярный экспресс»). Но «Рождественская история» по «Рождественской песне» Диккенса, вне сомнений, самый необычный и даже, кажется, странный проект Земекиса.

Эту повесть Диккенса знают наизусть во всем англоязычном мире, ведь она так же связана с Рождеством, как для нас «Ирония судьбы» с празднованием Нового года. С таким же успехом можно было бы экранизировать рождественский вертеп с волхвами — сделать это было бы интереснее, потому что вертеп дает режиссеру чуть больше свободы. А у Диккенса уже никакой свободы нет, там работает закон классики, по которому в тексте запрещено даже слова местами переставлять. Имена звезд, а в «Рождественской истории» играют Джим Керри, Гэри Олдман, Робин Райт Пенн, Колин Ферт, на афише «Рождественской истории» и вовсе не обязательны: персонажи надрисованы над актерами, которым для фильма пришлось только немного покривляться. Точно таким же необязательным кажется уже и сам Чарльз Диккенс. На самом же деле старик Диккенс тут сохранен, а фильм точно так же над ним надрисован, как Эбинезер Скрудж над Джимом Керри.

«Рождественская песнь» вышла в 1843 году. Практически с нее начинается поэтика английского Рождества. Диккенсовские

бедные дети и бессердечные скряги стали персонажами рождественского чуда. А чудо же заключалось в том, что бессердечному старому клерку Эбинезеру Скруджу поочередно явились четыре Духа и объяснили, что он живет неправильно. Сначала умерший компаньон позвенел цепями. Потом Святочный Дух Прошлых Лет показал ему счастливые картины юности.

Потом Дух Нынешних Святков показал, как все кругом либо бедствуют, либо потешаются над жадным Скруджем, пока он одиноко чахнет над золотом. А последним пришел Дух Будущих Святков и показал две могилы. В одной сам жадный мерзкий и противный Скрудж, а в другой сын его работника Боба Крэтчета маленький мальчик Тим. И вот маленького мальчика Тима оплакивают все-все-все, а над могилой Скруджа нет ровным счетом никого. От этих ужасных картин жадный дядька Скрудж проснулся другим человеком: «И таким он стал добрым другом, таким тарахтатым хозяином, и таким щедрым человеком, что наш славный старый город может им только гордиться».

Диккенс писал свою повесть как под звон колоколов. Там все время слышен такой бодрый перезвон. Особенно в языке, который ближе к «Пиквику», чем к любому диккенсовскому роману: с короткими предложениями, россыпью жаргонных словечек и имитацией устного рассказа. Там, где заканчивается Диккенс, начинается Земекис. Но вернее будет сказать, что в «Рожде-

Самый запоминающийся момент мультфильма: жадного Скруджа затягивает в его собственную могилу

ственскую историю» удивительным образом они вмещаются оба. Поэтому ее слегка распирает, и не только в смысле ширины 3D-экрана, которого не охватить взглядом обыкновенного живого человека. Просто Земекис не переделал Диккенса под себя — он себя над Диккенсом надстроил. Навалил, как полтора века культурного слоя. В его трактовке «Рождественская песнь» — это история о том, как человек увидел фильм о собственной жизни и главный герой ему не понравился. Даже не один фильм, а целых три. Первый, о прошлом, — это такая буколическая сказочка: маленький Эбинезер катается на санках и обнимается с сестренкой, а юный Эбинезер (и это единственный момент,

когда он правда похож на Джима Керри) обнимается с блондинкой. Настоящее — это тяжелая мелодрама, со слезами, голодные дети добросердечного Боба Крэтчета за полупустым столом. А будущее — это триллер, и самый запоминающийся момент всего фильма — когда Скруджа затягивает в собственную могилу.

У Диккенса преображение Скруджа было невероятным, невозможным чудом. А у Земекиса оно буквально объяснено: когда человек всю ночь бегает по кладбищу от собственного могильного камня, нет ничего удивительного, что он готов стать симпатичнее, чтобы еще пожить.

Диккенс законсервирован в Земекисе целиком: и речь, невероятно тяжеловесная в русском переводе, как будто персонажи сказки вдруг решили объясняться из Тредиаковского, и последовательность картин, и даже сами картины, которые иногда (например, Дух Нынешних Святков) буквально воспроизводят гравюры Джона Лича к оригинальному изданию 1843 года. Но при этом Диккенс — детский, а Земекис — вовсе нет, хоть и мультфильм. Для Диккенса Рождество было прежде всего праздником, когда даже самые бедные дома украшены остролистом и пахнут жареным гусем. А Земекис свел праздник к параду спецэффектов, рождественский перезвон — к стуку загробных цепей, которые таскают за собой духи мертвых клерков, а жареного гуся — к разверстой могиле. Словом, смотреть «Рождественскую историю» полагается в первую очередь не детям, а взрослым.